

Прошел почти год с той роковой ночи Хэллоуина. Наступил июль, и сегодня семья Поттеров готовилась праздновать День Рождения близнецов. Многие произошло после падения Темного Лорда, даже за столь короткое время. Последние из его Пожирателей Смерти были заперты в Азкабанах под охраной дементоров, всего лишь несколько месяцев назад помогавших их павшему лидеру. Те из темной армии, кто имел достаточно денег, влияния в Министерстве и благоразумия, чтобы не кричать о своей связи с Волдемортом на весь мир, избежали заключения, утверждая, что стали жертвами проклятия Империи. Магическое сообщество Англии поднималось на ноги.

Для Поттеров это означало, что они наконец-то могут выйти из подполья. После двух с половиной лет игры в прятки они переехали обратно в дом Джеймса, мэнор, расположенный неподалеку от Хогвартса. Лили и Джеймс вернулись на работу в Министерство, Джеймс снова служил в Авроре вместе с Сириусом, а Лили в отделе Чар. Даже Ремус Люпин, оборотень и почетный член семьи Поттеров, недавно устроился на работу в то же Министерство, его обширные знания магических законов и его статус крестного отца Адриана Поттера обеспечили ему постоянную работу во вновь созданном Отделе Обратной. Новый Министр, Корнелиус Фадж, поддавшись на уговоры директора не повторять ошибок прошлого и не подвергать остракизму таких существ как оборотни; в результате, Ремус получался единственным логичным выбором для этой работы.

Само собой разумеется, что падение Волдеморта и конец войны породили целую волну изменений в волшебном мире. А для мужчины в возрасте двадцати одного года окончание войны означало нечто гораздо большее, чем завершение его карьеры шпиона. Просто он об этом еще не знал.

Северус Снейп смотрел на свое отражение в зеркале в ванной. Для него это был странный день; последний его живой родственник, дядя, брат его матери, умер накануне, и Северус только что вернулся с похорон. Его выбила из колеи не сама смерть. Его дядя с детства был очень болезненным, и с возрастом ему всего-лишь не становилось лучше. По словам целителей, которые следили за ним в течение последних лет его жизни, вообще было чудом, что он прожил так долго.

Дело было даже не в том, что Северус мог горевать потому, что его последний кровный родственник благополучно скончался. Маркус Принц никогда не заботился о своем племяннике и позволял ему продолжать жить с отцом, даже зная, что он выносил в детстве. Так что о сожалении не было и речи. Просто, смерть дяди привела к тому, о чем он в жизни никогда не думал. Его дядя умер бездетным, и по волшебным законам именно Снейп стал наследником. И это означало, что он наследует все.

Всю свою жизнь Северус думал, что семья его матери не признавала ее за брак с магглом. И уж точно знал, что никто никогда не пытался с ним связаться, пока он рос. Так что обнаружить в собственных руках семейное состояние было последним, чего он ожидал. Он почти смеялся, и почти было ключевым словом.

Одной из основных его проблем во время обучения в Хогвартсе было то, что когда Джеймс Поттер красовался перед Лили своим состоянием, он сам никак не мог предложить ей то же самое. Это уязвляло, но она раз за разом успокаивала его, что это не имело значения. И для

нее все действительно было именно так; он разрушил их дружбу своими собственными руками, и прекрасно об этом знал. Но он извинился; Мерлин, он извинился! Не то чтобы она слушала, когда он снова и снова попытался подойти к ней. А потом она стала встречаться с Джеймсом Поттером на седьмом курсе. А потом она вышла за него замуж.

Северус даже не смог толком разобраться в ситуации; к тому времени, когда он сумел достаточно собраться с мыслями, чтобы задуматься, что ему делать теперь, он уже носил на левой руке темную метку, а его жизнью распоряжался сумасшедший с манией величия. Тот факт, что названный сумасшедший был самым могущественным темным волшебником за прошедшие века, делу не помогал. Так что Северус следовал его приказам и передал часть пророчества, которое подслушал, ведь он мог только повиноваться.

Потом Лили забеременела, и он окончательно потерял волю к жизни. Она станет матерью детей Джеймса Поттера, и это было концом. Когда он понял, что то пророчество, которое он передал Темному Лорду, будет значить для Лили, он захотел просто умереть медленной и мучительной смертью. Не найдя в таком шаге никакой пользы, он предложил свою жизнь Альбусу Дамблдору, и почти два года играл в шпиона. В ночь падения Волдеморта, в то время как остальная часть волшебного мира праздновала, он заперся в своем доме и выплакивал слезы, в которых отказывал себе все последние годы.

Не желая сталкиваться с Лили или с ее семьей, он как одержимый работал над своим мастерством в зельях, путешествуя по миру, убегая от того, чего боялся больше всего. Не то чтобы это помогло; в конце концов, в результате всей своей тяжелой работы он стал самым молодым мастером зелий за четыреста лет и слишком рано вернулся домой. Через месяц после возвращения он пришел к Дамблдору, который после ухода Слагхорна предложил ему должность хогвартского мастера зелий. Не озаботившись поисками работы и сознавая, что ему надо как-то жить, он согласился. Со следующего года он будет профессором в школе, где пережил самые счастливые и самые тяжелые моменты своей жизни. А несколько дней спустя умер его дядя.

И когда он смотрел на незнакомца в зеркале, он мог видеть на своем лице след каждой из своих последних бед. Он был худым, слишком худым для своего роста. Его щеки запали, а под большими черными глазами образовались темные круги. Минерва когда-то сказала, что его глаза похожи на черные туннели: пустые и лишенные каких-либо чувств. Глаза мертвеца. Может быть, она была права, думал молодой человек. Выдающийся нос и высокие скулы, раздвоенный подбородок – все вместе должно было бы сделать его лицо красивым. Вместо этого он походил на человека, который провел несколько лет в Азкабана, на человека в два раза старше себя самого. Его плечи еще больше поникли, и ему пришлось бороться с желанием каким-нибудь проклятием разбить зеркало на мелкие осколки. Или кулаком, сейчас это действительно не имело значения.

Он хотел бы сбежать домой и спрятаться там до начала учебного года, не останавливая его собственная гордость. Потому что где-то на дне этих нечитаемых глаз, будь все проклято, еще осталась часть его самого! И лучше бы ему побыстрее восстановить эту часть; он не знал как, и он не знал почему, но Лили убедила своего мужа пригласить Северуса на День Рождения близнецов. Провести целый день в присутствии Поттеров, Блэка, Люпина и счастливой Лили. И он отказался от приглашения? Конечно, нет, потому что, кажется, та небольшая часть его самого, которая до сих пор жила в его теле, страдала мазохизмом. Он согласился, и теперь

должен был пойти.

Вздохнув, он отвернулся от зеркала и полных призраками ненавистных глаз. Поправил черную одежду, единственный цвет, какой он носил в настоящее время, и медленно пошел к камину, оттягивая время; в любом случае, он и так уже опоздал. Зачерпнув горсть летучего пороха, он мысленно взял себя в руки и бросил ее в камин, прежде чем ступить в позеленевшее пламя.

- Поттер Мэнор, - указал он мертвым голосом и закрыл глаза, когда мир вокруг него завертелся.

Почувствовав, что замедляется, он выставил правую ногу вперед и изящно приземлился в главном зале жилища Поттеров. Дом был наполнен людьми; знакомые семьи, Уизли, персонал Хогвартса и многие другие. И журналисты, конечно, явились осветить это событие. Северус чувствовал, что задыхается. Он как раз собирался развернуться, схватить еще немного летучего пороха и сбежать, спасая свою жизнь, когда его плеча коснулась мягкая рука.

- Я так рада, что ты смог прийти, Северус! - раздался откуда-то из-за спины взволнованный голос Лили.

Он сглотнул и с напряженной улыбкой обернулся к ней. Она была так же красива, как он помнил; ее длинные темно-рыжие волосы блестели, а ее зеленые глаза лучились жизнью. Ее улыбка стала обеспокоенной, когда она его разглядела. Он ухмыльнулся ее беспокойству и раздраженно закрыл глаза; Лили не видела его после окончания учебы четыре года назад. Теперь он возвышался над ней своими шестью с лишним футами\*, но весил меньше, чем тогда. Снова открыв глаза, он почувствовал, как болезненно сжимается сердце, когда ее улыбка вспыхнула вновь.

- Рад тебя видеть, Лили, - пробормотал он и увидел, как счастливо засияли ее глаза, когда она посмотрела ему через плечо. Нож, который засел у него в животе, провернулся с новой силой. Он оглянулся и обнаружил, что Джеймс - этот напыщенный идиот - перед камерами махал им с ребенком на руках. После завершения мини-фотосессии Джеймс порысил к жене и ее другу детства.

- Адриан действительно потяжелел! - радостно сказал он, вручая хихикающего мальчика Лили. С его черными волосами и карими глазами, малыш был точной копией своего отца. Нож повернулся еще сильнее. - Привет, Соплиус! - добавил Джеймс с притворной игривостью, когда его взгляд упал на Северуса.

- Джеймс! - предупредила Лили, слегка покраснев от смущения.

- Все в порядке, Лили, - успокоил ее Северус, проглотив оскорбление, которое до смерти хотелось вернуть сторицей. - Желаю обоим твоим детям счастливого Дня Рождения, Поттер.

Вот. По крайней мере, никто не сможет сказать, что он не пытался вести себя цивилизованно.

Джеймс выглядел слегка опешившим от предпринятой молодым мастером зелий попытки быть вежливым и отступил. Он ухмыльнулся и одной рукой притянул Лили в объятия.

- Спасибо, Снейп, - сказал он самодовольно. - У меня есть все, что мне нужно, - добавил он безо всякой видимой причины.

Придурок думает, что это игра! - с яростью подумал Северус, но отказал Джеймсу в удовольствии видеть, как его корчит. Лили, которая не поняла подтекста, поглощенная воркованием со своим сыном, обеспокоенно повернулась к мужу:

- А где Гарри? - спросила она, лихорадочно оглядываясь.

- Расслабься, Лили! - с улыбкой сказал Джеймс, мягко лаская шрам сына. - Я оставил его с Ремусом, ты знаешь, насколько он не любит камеры.

И это было правдой, мальчик не выносил резких вспышек света и криков: «Смотри сюда, Адриан!».

- Если ты позволишь, Лили, - сказал Северус, почувствовав, что не выдержит обмена взглядами между двумя Поттерами больше ни секунды, - я хотел бы прогуляться немного и поговорить с некоторыми коллегами из Хогвартса. Редко можно застать их всех вместе вне школы.

- Ты работаешь в Хогвартсе? - пораженно спросил Джеймс.

- Ты смотришь на нового мастера зелий, Поттер, - сообщил Северус, ухмыляясь. - Теперь, если вы простите меня, - сказал он и быстро кивнул Лили, прежде чем уйти.

Ну, это было... ужасно, подумал молодой профессор и вышел из главного зала дома, полностью игнорируя членов преподавательского состава Хогвартса, которые махали ему. Он просто хотел найти в доме тихий уголок, чтобы восстановить силы.

Проходя по первому этажу, он видел Сириуса Блэка, который угрожающе посмотрел на него, и его друга оборотня; эту комнату он тоже быстро покинул, оказавшись в менее людной столовой. Здесь все еще наблюдалось четыре человека, что было слишком много, на его вкус, так что он перешел в прихожую, а оттуда сразу же в первую попавшуюся дверь. Кажется, это было что-то вроде рабочего кабинета; Северус вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Наконец-то, подумал он, тишина и...

- Пьювет, - раздался тихий голос откуда-то с пола, рядом с левой ногой.

Пораженный, он посмотрел вниз и обнаружил уставившиеся на него глаза Лили. Этого не может быть. Он помотал головой и посмотрел еще раз. Это действительно были глаза Лили,

или, вернее, очень похожие на них, потому что у нее были такие же. Пара глаз, в которые он смотрел, была, кажется, более темного и насыщенного цвета, почти неестественного для такого маленького бледного лица. Он осознал, что смотрит на младшего из близнецов Поттеров.

- Привет.

Он осознал, что ответил.

Так близнецы не однайцевые, отметил он. Мальчик, удовлетворенный полученным ответом, обратил свое внимание на книгу, заполненную красочными картинками, которая лежала перед ним открытой на полу. У двухлетнего малыша – Гарри, напомнил себе Северус – была та же самая непослушная копна волос, что и у его брата и отца. Но в лице у него от матери было больше, чем у брата. Кроме упомянутых глаз, там, где у Джеймса лицо был круглым, у Гарри было, ну, не то чтобы угловатым, но более вытянутым, скорее даже в форме сердца. Глаза Северуса изучали лицо мальчика в поисках новых отличий, как будто от этого зависела его жизнь. Губы мальчика казались полнее, скорее как у матери, а нос короче, чем у Джеймса. И зачем мне это нужно, спросил он себя, когда его внимание переключилось на книгу, которую рассматривал мальчик.

Книга была предназначена для детей подобного возраста, чтобы познакомить их с основными заклинаниями; в ней были только движущиеся картинки, но она помогала с детства представить ребенку магию. Только Северус не слышал о ребенке, который бы просматривал такое добровольно. И с каких это пор Поттер вне школы брался за книгу, которая не касалась Квиддича? Мальчик – который понял, что Северус по-прежнему смотрел на него – снова поднял взгляд от книги на молодого мужчину.

- Пивет?

Теперь он произнес это вопросительно, его брови очаровательно нахмурились. Подождите, что? Я только что подумал, что сын Джеймса Поттера очарователен? Наполовину потрясенный, наполовину растерянный, Северус сидел напротив мальчика и осторожно его рассматривал. Гарри, казалось, делал то же самое.

- Привет, Гарри, я Северус, – проговорил он.

Что я делаю? Мальчик кивнул и указал на себя.

- Арри, – тихо сказал он и стал терпеливо ждать.

- А что ты рассматриваешь, Гарри? – спросил Северус голосом, в котором с трудом опознал свой собственный. С каких это пор я разговариваю тихо? И с каких это пор я разговариваю с младенцами? Недолго позабавив себя мыслью, что перенес во время войны слишком много Круциатусов, он снова сосредоточился на ребенке.

- Магия! – воскликнул мальчик с улыбкой и светом в глазах.

Ты только посмотри, подумал Северус и... улыбнулся? Видимо, тут я проиграл, понял он, когда мальчик перевернул страницу своей книжки.

- Хасный, – сообщил тот с гордостью, указывая на картину с оглушающим проклятием.

Хасный? Северус озадаченно задумался. А, вот оно что; детский говор. Он еще раз посмотрел на заклинание; хасный... хасный, значит... красный! Довольный своей дедукцией, он согласно кивнул.

- Это называется Ступефай, – сказал он Гарри. – Ступефай, – повторил он, указывая на заклинание.

Глаза мальчика расширились.

- Тюпефай? – выговорил Гарри и тоже указал на заклинание.

Северус усмехнулся и, игнорируя собственное удивление, что он все еще способен на подобный тон, кивнул Гарри.

- Да, все верно, Гарри. Ступефай.

Северус взял на себя смелость перевернуть книжную страницу. Дальше был яркий белый луч заклинания Люмос.

- Это называется Люмос. Его используют, чтобы видеть в темноте, – он снова указал на картинку и повторил название заклинания.

- Люмос! – радостно сказал Гарри, тихо хихикнув, заставляя Северуса улыбнуться в ответ.

- Верно. Теперь вот это... – сказал он, переворачивая еще одну страницу, а глаза Гарри сверкали от счастья.

Молодой человек не знал, сколько он пробыл с Гарри в этой комнате. Но где-то по дороге он забыл, что разговаривает с ребенком Джеймса, и просто продолжал учить мальчика, и впервые за много лет на душе было легко. И только когда их внимание привлекло раздавшееся в дверях мягкое покашливание, он понял, что они почти закончили книгу. Он быстро обернулся и встретился с еще одной парой сверкающих глаз. Хотя, когда голубые глаза директора Дамблдора выражали заинтересованность, им больше подходило определение мерцающие.

- Видимо, я нашел обе наши пропажи за раз, - весело усмехнулся директор, входя в кабинет.

Северус поднялся ему навстречу, а Гарри просто переводил с одного на другого взгляд широко распахнутых глаз.

- Да. Я немного побродил по дому и нашел тут юного Гарри, так что...

Молодой профессор затих, почувствовав, что его осторожно тянут за полу. Он посмотрел вниз и обнаружил, что Гарри смотрит на него, вытянув руки в общеизвестном детском жесте «подними меня». Глаза Северуса расширились от такого предложения, и, проигнорировав прилетевший от директора смешок, он сосредоточился на тоске в глазах Гарри, а потом поднял его с пола. Мальчик, все еще сжимая в руке книгу, пристроил голову на плечо Северуса и, удовлетворенно вздохнув, закрыл глаза. У Северуса почти перехватило дыхание.

- Я полагаю, что ты нашел нового друга, Северус, - весело сообщил старый волшебник, погладив мальчика по непослушным волосам.

- Я...

Северус Снейп обнаружил себя в редкой для себя ситуации: он был не в состоянии связно высказаться. Гарри оказался очень легким для мальчика своего возраста и у него был характерный запах, присущий только детям. И вдруг Северус почувствовал связь с мальчиком; он ощутил, что каким-то образом Гарри стал его ответственностью, что он должен был защищать его, любить его, помочь ему вырасти и стать тем человеком, каким он должен быть. Неожиданно, Северус Снейп почувствовал себя отцом.

- Очень интересно. Дети прекрасно чувствуют людей, знаешь ли, - продолжил директор, выходя из кабинета, и Северусу ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Миновав ныне пустую столовую, Северус понял, что если он пойдет дальше, то должен будет войти в комнату, полную людей - среди которых была Лили вместе со своим мужем, - держа на руках ее ребенка. Он замер на полпути, и Дамблдор последовал его примеру, обеспокоенный смятением, вдруг охватившим его младшего профессора.

- Вот, Альбус, держи Гарри, - сказал тот, мягко снимая задремавшего ребенка со своего плеча и пытаясь игнорировать столь неожиданно накрывшее его чувство утраты. Гарри проснулся и посмотрел на него широко распахнутыми глазами, когда директора Хогвартса перехватил ребенка. - Мне пора идти. Передавай привет Лили, - сказал Снейп и отступил в сторону главного зала.

- Сев? - прозвучал тихий голос, и мастер зелий удивился, что Гарри, похоже, запомнил его имя.

- До свидания, Гарри, - сказал он, стараясь не обращать внимания на умоляющий тон, которым было произнесено его имя. - Скоро увидимся, - добавил он, не зная, мог ли мальчик понять, насколько он честен в своем обещании, и в вихре черной ткани и зеленого пламени покинул помещение и Поттер Мэнор.

- Как интересно, юный Гарри, - обратился Альбус Дамблдор к маленькому мальчику, который, крепко вцепившись в книгу, все еще смотрел на опустевший зал. - Может быть, ты сможешь помочь ему, малыш, - сказал он, поудобнее устраивая Гарри у себя на руках. - Может быть, ты уже это сделал, - добавил он и пошел в комнату, куда принесли большой праздничный пирог.

<http://tl.rulate.ru/book/73471/2026629>